

ПСИХОПАТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В КНИГЕ А. В. АМФИТЕАТРОВА «ПСИХОПАТЫ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ»

А. В. Кубасов

*Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург,
Российская Федерация*

Статья посвящена анализу культурно-исторического содержания книги А. В. Амфитеатрова «Психопаты: правда и вымысел». Рассматривается проблема популярности изображения психопатической личности в русской литературе рубежа XIX–XX веков, её обусловленность взрывным ростом числа научно-популярных работ по данной отрасли медицины. Отмечается, что в книге создана галерея различных психопатических типов, начиная с Иуды и заканчивая современными автору образцами личности. Рассмотрена зависимость жанрового своеобразия рассказа от образа героя. Выделены такие его разновидности, как идиллия, детективная история, дуэльный рассказ, портрет в форме внутреннего монолога. На основе анализа текстов рассказов, входящих в книгу, делается вывод о тяготении ее автора к направлению русского натурализма. Одна из безусловных примет натурализма – детерминированность структуры личности её биологическим началом. Арсенал средств и приемов, использованных А. В. Амфитеатовым, позволяет отнести ее к массовой литературе. Второстепенная литература, сама по себе рассчитанная на быстрое забвение, в истории литературы играет важную роль для воссоздания целостного культурно-исторического контекста эпохи. В этом значимость книги «Психопаты: правда и вымысел» – яркого образца массовой литературной продукции рубежа двух веков.

Ключевые слова: А. В. Амфитеатров, психопатическая личность, массовая литература, жанр рассказа.

Введение

Книга Александра Валентиновича Амфитеатрова «Психопаты» была опубликована в Москве в 1893 году. Она представляет собой сборник из одиннадцати рассказов, которые первоначально публиковались в других изданиях, преимущественно периодических. Тематическая общность произведений декларируется в названии сборника: Амфитеатров включил в него те рассказы, в которых художественными средствами исследуются типы людей или характеры, чье поведение отражает серьезные отступления от психической нормы.

Характер изображения психопатических состояний героев в книге во многом обусловлен профессиональным статусом автора и его образованием. А. П. Чехов, современник и почти ровесник Амфитеатрова (1862–1838), получил медицинское образование и имел все основания написать в одном из писем: «Право, недурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь» [1, т. 3, с. 70]. Амфитеатров, как и Чехов, окончил Московский университет, но годом позже и получил не медицинское, а юридическое образование. В течение своей длинной и богатой событиями жизни Александр Валентинович занимался больше всего литературным трудом и написал огромное количество произведений самых разных жанров. Его представления о психопатологии были основаны не столько на строгом научном фундаменте медицины, сколько на основе типовых представлений о ней, а также на его огромном читательском опыте. Л. А. Иезуитова характеризует А. В. Амфитеатрова как очень осве-

домленного писателя, который «...хорошо знал лицевые и изнаночные стороны жизни и стремился по возможности всесторонне объяснить их с биолого-физиологической, психиатрической, социологической точки зрения» [2, с. 254]. «Психиатрическая» точка зрения была обусловлена, помимо прочего, взрывным ростом числа научных и научно-популярных работ по психиатрии и повышенным вниманием к ней со стороны медицинского русского и мирового сообщества. Напомним в связи с этим о таком важном событии, как первый съезд российских психиатров, который состоялся в Москве в январе 1887 года в рамках второго съезда русских врачей имени Н. И. Пирогова.

В современной социокультурной среде в последнее время принято определять слово года. Если бы такая практика проводилась в конце позапрошлого века, то, вполне вероятно, что слово «психопат» попало бы как минимум в число номинантов на это звание. Именно в то время оно стало модным и прикладывалось в ситуациях, где было уместно и даже там, где неуместно [3, с. 41–49]. Ограничимся одним примером. Чехов в письме М. В. Киселёвой осенью 1892 года по поводу появившейся статьи В. П. Буренина о нём иронически замечает: «Посылаю Вам рецензию. В ней Вы прочтёте, что всякий не признающий меня гением – психопат. Вырезана она из “Нового времени”, и Вы премного меня обяжете, если сохраните её: приеду зимой и возьму её» [1, т. 2, с. 121]. Слово «психопат», помимо медицинского значения, приобрело, таким образом, еще дополнительное оценочное, вошло в лексикон газетно-журнальных критиков.

Обзор литературы

Исследование взаимосвязи психопатологии и литературы началось в конце позапрошлого века. Одной из пионерских работ стала книга Макса Нордау «Вырождение» [4], вызвавшая в России небывалый интерес и получившая отклик в многочисленных рецензиях. Ученый рассматривал вырождение как одно из следствий роста психопатологических состояний у человека. Образ психопатической личности привлекал внимание таких писателей XIX века, как Гоголь, Достоевский, Толстой и Чехов. Литература, посвященная этому аспекту в произведениях классиков, огромна. Наиболее полный обзор ее дается в книге В. П. Гиндина «Психопатология в русской литературе» [5]. Зарубежные литературоведы и антропологи тоже активно занимаются отражением психопатологии в художественной литературе. Методологически основой для многих остаются идеи Зигмунда Фрейда [6] или теории бихевиоризма [7].

Методы исследования

В процессе исследования в качестве ведущего был задействован культурно-исторический метод в целях адекватного анализа художественного мира книги популярного автора рубежа XIX–XX веков. Кроме того, использовался инструментарий сравнительно-исторического, герменевтического и мотивно-образного методов.

Результаты и дискуссия

В начале XX века профессор медицины Киевского университета И. А. Сикорский в статье основанного им журнала «Вопросы нервно-психической медицины» отмечал: «Писатели, одаренные Божьей искрой, всегда были историческими диагностами, которые распознают добро и зло, здоровье и болезнь общественной души. Для психиатра художественная литература составляет истинную настольную книгу его профессии» [8, с. 613]. Выдающимися «историческими диагностами», безусловно, следует признать русских классиков. Однако и писатели второго ряда отмечали в своих произведениях такие стороны «общественной души», которые, накапливаясь, в совокупности приводили к существенным сдвигам в сознании социума. Такой книгой следует признать «Психопатов» Амфитеатрова, в которой представлены различные варианты отклоняющегося поведения людей разных возрастов и статусов.

Первый рассказ в сборнике называется «Иуда» и посвящен анализу психологии предателя Христа. Повествователь сосредоточен на передаче когнитивных процессов в сознании Иуды. Рефлексия героя направлена на оправдание своего предательства: «Он только что оказал Иерусалиму важную услугу: спас страну от религиозной смуты, готовой потрясти из края в край оба берега мутных вод священного Иордана. Он вырвал из среды учеников виновника смуты – этого Иегошуа Ганноци, кто вчера крестною казнью оплатил свои

странные новые верования и смелость неслыханным учением прощения и любви отрицать вековую святыню суровых заветов Моисея» [9, с. 2]. С точки зрения Иуды, он поступил правильно и совершил фактически героический поступок. Свою драму он видит в том, что его не понимают и не принимают жители Иерусалима, а потому вынужден бежать из священного города.

Психопатологический аспект намечается с помощью портрета героя. В нём совмещены две точки зрения – повествователя и героя. Достигается совмещение с помощью аналога зеркала: «...со дна колодца глянуло на него, в рамке спутавшихся волос и бороды, страшное лицо земляного цвета, с обострившимся носом и подбородком, впалыми щеками; сверкнули недобрый огнем огромные воспаленные глаза. Он едва поверил, что видит себя в этом полном безумия, страха и злобы призраке, и с трепетом спросил себя: “Как же случилось, что я стал так ужасен?”» [9, с. 3].

Особенностью данного рассказа является то, что герой показан наедине с собой, однако повествование ведется не от первого лица, а в форме свободного косвенного дискурса [10, с. 335–353]. Иуда не действует в настоящем времени, а только вспоминает о прошлом, не коммуницирует с другими людьми, а лишь рефлексировать по их поводу. Рассказ можно представить как развернутую характеристику заглавного героя, данную в форме потока его сознания. Амфитеатров был сыном священника, настоятеля Архангельского собора в московском Кремле, поэтому хорошо знал теологию. В рассказе он пытается дать свою версию мотивов, подвигнувших апостола Христа на предательство. Автор микширует решение проблемы формой несобственно-прямой речи и риторического вопроса: «Но что же вообще ему было нужно? Неужели его дело не более как беспричинная минутная вспышка обиженной слабой воли, пожелавшей проявить себя сильною хоть во вражде, если не доверяют его дружбе? Нет, не может быть! Он – не мальчик, не неофит, только что пришедший к великому пророку; он был его сотрудником и другом, четыре года впитывал в себя святое учение обуздания страстей, прощения обид, власти над собою, – как бы ни слаб он был, но не настолько, чтобы одним мгновением страсти разрушить долгую работу над собою. Нет, он, действительно, только орудие какой-то непостижимой, сверхъестественной внешней силы... И суевенный ужас всё грознее и грознее крался в душу Иуды. Богу или Вельзевулу нужна была смерть пророка, Иуда не умел решить, но кому-то из двух он послужил, – это стало для него ясно» [9, с. 9]. Таким образом, автор рассказа явно склоняется к религиозной трактовке Иуды, понимаемого как орудие в руках высших сил. Амфитеатров отказывается как от осуждения своего героя, так и от защиты его, поэтому в финале рассказа Иуда не кон-

чает жизнь самоубийством, следуя каноническому библейскому представлению, а просто исчезает в неизвестном направлении, оставаясь тем самым вечной загадкой для людей.

Если бы современному психиатру представили собранный из фрагментов рассказа психический портрет героя, то он мог бы отметить у него выраженную аномалию эмоционально-волевой сферы и выдвинуть диагноз апато-амбулического синдрома. Приметами его являются равнодушие к своему внешнему облику, бездеятельность, отказ от общения, сосредоточенность на травматических обстоятельствах жизни. Для автора «Психопатов» Иуда является своего рода праотцем всех современных психопатических личностей, маниакально сосредоточенных на какой-то своей неразрешимой проблеме. В русской литературе последующих лет апостол Христа будет неоднократно привлекать внимание и других писателей. Наиболее ярким воплощением его станет «Иуда Искариот» (1907) Леонида Андреева [11].

Следующий рассказ в сборнике называется «Казнь», он посвящен Василию Ивановичу Немировичу-Данченко, брату великого русского режиссера и одному из столпов массовой литературы конца позапрошлого века. Если первое произведение сборника Амфитеатрова было генетически связано с библейскими темами, то этот рассказ обладает приметами детектива, мелодрамы и психологического триллера. Начинается «Казнь» сразу же с факта убийства замужней молодой женщиной: «Лаврухина была зарезана тремя безусловно смертельными ударами колющего орудия в горло, живот и левый пах» [9, с. 11–12]. Находится и подозреваемый – «...горький пьяница, истый бич города, полный бездомник», который отвергает павшие на него подозрения в убийстве. Любящий муж убитой женщины на время теряет рассудок и проводит около года в лечебнице для душевнобольных. «Потом он поправился, пришел в память, оставил больницу, начал гулять, бывать в обществе, ходить в гости и особенно часто к Арсеньевым. В У. заговорили, что Лаврухин женится на Вере Арсеньевой, и скоро слухи оправдались» [9, с. 13]. Но по прошествии времени, принимая гостей на ужине, Лаврухин набрасывается на свою вторую жену и убивает её ножом: «Теперь она не будет сводить меня с ума – отвечал Лаврухин и лишился чувств. Через три дня он умер в больнице, ни разу не придя в себя: буйные припадки следовали один за другим. По смерти Лаврухина между его бумагами были найдены записки, где он рассказал странную историю своей жизни. Вот что он писал» [9, с. 14]. Так в рассказ вводится жанр дневника убийцы, один из самых трафаретных в массовой детективной литературе.

Движущей силой преступлений Лаврухина является женщина-вамп. Ею является Вера Арсеньева, которая подталкивает героя на убийство

первой жены после того, как тот овладел ею в порыве страсти, а она решила шантажировать его этим. Рассказ переполнен банальностями и литературными клише: тут и беседа сада – «принят преступных свиданий», и «белое, как полотно, лицо», и стыд «видеть себя в зеркале»... Столь же банальна мотивировка поступка преступления: «Я действовал как бы под внушением», – говорит Лаврухин, ссылаясь на свой «загипнотизированный ум». Отмечает он и анамнез болезненного состояния: «Я нервен. Сызмальства я боялся одиночества, потёмок, крови» [9, с. 19]. Заканчивается дневник и рассказ фразой: «Боже мой, да когда же и чем закончится этот ужас?» [10, с. 25]. Читатель, в отличие от героя, из предшествующего текста знает, чем же закончится «этот ужас».

Можно ли упрекать Амфитеатрова в банальности и утрированности ситуаций рассказа? Думается, что посвящение произведения Вас. И. Немировичу-Данченко подсказывает ответ на вопрос. Рассказ написан в манере а la Немирович, то есть как стилизация массовой беллетристики. Важен и другой момент – генетическая связь рассказа с газетно-журнальной прозой. Подобно тому, как газета живет один день, а журнал – месяц, так и опубликованные в них художественные произведения были рассчитаны на скорое забвение и вытеснение опусом другого автора.

Отметим попутно, что А. П. Чехов тоже не чуждался упражнений в стилизации массовой литературы. Вспомним в этой связи его «как бы детективы» – «Шведскую спичку» или «Драму на охоте». Эти произведения наполнены имплицитной полемикой с современными беллетристами, в них очевиден элемент игры с читателем, основанной на пародийности текста [12]. Ничего подобного в рассказе Амфитеатрова нет.

По контрасту с детективной «Казнью» следующий рассказ тяготеет к жанру идиллии. На это настраивает читателя его заголовочный комплекс – «Обожание (со слов институтки старых годов)». По структуре он является рассказом в рассказе: дочь повествует о своей матери, учившейся в институте благородных девиц в 40-е годы XIX века.

Как и следовало ожидать, «институтка старых годов» тоже относится к числу психопатов: «Еще в институте мама пугала своих товарок истериками, бредом, проявлением сомнамбулизма и больше всего религиозными галлюцинациями. То слышались ей голоса в воздухе, то чудилась кровь в язвах распятого Христа» [9, с. 40]. Институтки, следуя неписаному канону, должны были иметь своего идола, которому они истово поклонялись. Таким божеством для героини стала ученица из старших классов, «...девушка болезненная и некрасивая, почти урод, злая и в корень испорченная». Если в предыдущем рассказе психопатия героя основывалась на почве его болезненного физического состояния, то в данном случае это

литературная психопатология, имеющая в основе психологическую лабильность, слепую приверженность моде, в том числе и литературной: «Когда божество мамы было довольно своей поклонницей, то награждало ее каким-нибудь модным французским романом. Читать можно было только тайком, в тиши дортуара» [9, с. 41].

Следование Амфитеатрова канонам и клише массовой литературы [13] проявляется в выборе типа героини. Если в рассказе «Казнь» женщина-вамп была второстепенной героиней, то здесь она выдвигается на первый план. Автор подчеркивает повадки хищницы, сравнивая ее с известным животным: «Выдохшиеся Печорины сороковых годов один за другим находили себе гибель в ее бархатных кошачьих лапках; она умела вить верёвки из этих надменных карликов на гигантских ходулях» [9, с. 41]. Мужа институтки старых годов, то есть своего отца, рассказчица сравнивает с другим литературным героем – пушкинским Ленским и характеризует его как уходящую натуру, на смену которой приходит новый тип – «...вымирающие Онегины (а вместе с ними и Ленские – А. К.) с иронической улыбкой сторонились перед молодыми Рудиными» [9, с. 42].

В изображении психопатологического поведения героини рассказчица не жалеет густых красок. Переходы матери от скуки и апатии к припадкам дают возможность показать контрастные состояния: «Начинался страшный припадок... С пеной у рта, перегнутая конвульсиями, больная кричала, плакала, пела, смеялась, мешая церковные напевы с животными криками, стихи евангелия – с площадными ругательствами...» [9, с. 43]. Подробнее всего автор изображает религиозный экстаз героини. Амфитеатрову он гораздо ближе и понятнее медицинских патологий. Галлюцинаторное состояние он передаёт дилетантски, опираясь не на научные основы, а на массовые представления о нём.

Амфитеатров полагает, что психопатия передается по наследству от родителей к детям, тогда как медицина трактует это не столь однозначно. Поэтому первичная рассказчица, дочь институтки 40-х годов, повторяет свою мать, начиная с того, что оказывается в том же институте: «Меня определили в тот же самый институт, где училась когда-то мама» [9, с. 43]. Повторяет героиня свою мать и в поведении: у нее тоже есть свой кумир. Героиня пробирается ночью в церковь, чтобы случилось чудо обретения любви со стороны её институтского идола, некоей Липы Станищевой. Там героиня впадает в полуобморочное состояние, которое передается так: «Что-то двигалось в церкви, стонало, шуршало, шумело, летало, казалось, чуть не целая меня за волосы. Звон в ушах превратился в полновесный медный благовест...» [9, с. 52]. Завершается история новой институтки, наследницы «институтки старых годов», тем, что автор на правах *Deus ex machina* переносит героиню из институтской церкви

в дом, не возвращая её к сознанию: «Дальше я ничего не помню. Очнулась я – полуживая – уже не в институте, а дома...» [9, с. 53].

Амфитеатров практически во всех своих рассказах, скорее неосознанно, чем сознательно, следует за некими литературными образцами, не отмечая их и не давая отсылок к ним. При прочтении фрагмента рассказа о пребывании институтки уже «новых годов» в церкви и ее галлюцинаторных переживаниях поневоле вспоминается гоголевский «Вий». Но связь эта внешняя, обусловленная лишь сходством ситуаций, она не влечет за собой приращения смысла рассказа, а только напоминает о литературном эталоне.

Простодушно рассказанная история наивной девушки-институтки может рассматриваться как предыстория по отношению к современной так называемой «женской прозе». Имеется в виду, прежде всего, не столько авторство, сколько адресованность такой беллетристики прекрасной половине общества. Одна из главных особенностей этой литературы – расчет на психологическую структуру личности женщины. Элемент психопатологии в таких произведениях если и не обязателен, то весьма желателен как острая приправа к основному литературному «блюду».

Массовая беллетристика любит пользоваться бинарными оппозициями, резкими переходами от одного качества к другому. От картины нравов институтской жизни автор книги ведет далее читателя в мир мужчин, где еще жив кодекс чести и связанная с ним практика защиты её на дуэли.

Герой-рассказчик «После дуэли» – секундант одного из дуэлянтов. Находясь под арестом, он описывает историю своего убитого приятеля. Дуэлянты, «львы большого света», стрелялись из-за женщины. Рассказчик был секундантом убитого Ивана Юрьевича Волынского, а убийцей стал некто Раскатов. Характеристика его как психопатической личности дана во время, непосредственно предшествующее дуэли. Герой находится явно в состоянии аффекта: «Я никогда не слышал более возбужденной речи, никогда не видал более бледного, исковерканного гневом лица, никогда не смотрел в такие сверкающие глаза» [9, с. 55]. Показательно, что в рассказе нет непосредственно прямой речи Раскатова, которая позволила бы читателю проявить творческую активность и самому дать оценку герою. Вместо этого автор идет по более простому пути, давая суммарную характеристику, рассчитывая на полное доверие к нему со стороны читателя.

Амфитеатров демонстрирует в сборнике практически весь спектр излюбленных приёмов массовой литературы. В данном случае он прибегает к использованию того, что в кинематографе и в современной литературе обозначается термином *flashback*, то есть возврат к прошлому, повторное переживание ранее произошедшего,

но уже с позиции нового опыта и новых событий. Находящийся под арестом рассказчик вспоминает историю убитого, он говорит, что дуэль произошла из-за оскорбления: «Волинский умер, не стерпев слова “альфонс”, брошенного ему в лицо Раскатовым». Женщина, с которой у Волинского был роман, старше его на пятнадцать лет и намного богаче. Волинский предстает в истории рассказчика как мягкий человек с «восковым характером». Ответственность за случившееся будущий секундант возлагает на общество. Вспоминая погибшего товарища, он говорит: «...его чуть ли не с пятнадцати лет окружил и засосал в свою тину омут богатой петербургской молодежи, сытой и бездельной...» [9, с. 58]. Амфитеатров вводит слово-характеристику Волинского – вивёр, то есть кутила, прожигатель жизни. По контрасту с автором «Психопатов» вновь вспоминается Чехов, который акцентировал ответственность человека за свою жизнь, а не общества, которое почти всегда враждебно по отношению к нему. С популярной формулой массовой беллетристики – «среда засосала» – автор «Палаты № 6» полемизировал практически на протяжении всей своей жизни.

Из других рассказов книги-сборника выберем самые показательные в диагностическом отношении произведения. Рассказ «Разрыв» имеет подзаголовок «уголовно-психологический этюд». Поэтика этюдности была одной из модных тенденций литературы рубежа XIX–XX веков и соотносилась с практикой живописцев, превративших этюд («черновик» холста) из вспомогательного жанра в самостоятельный. Незавершенность фабулы, синекдохичность изображения образов-персонажей получала в жанре этюда статус легитимных, жанрообразующих характеристик.

Рассказ начинается с картины пробуждения главного героя рассказа и характеристики особенностей его физиологического статуса: «Иван Карпович Тишенко давно уж очнулся от послеобеденного сна, но всё ещё сидел на кровати, зевал <...> и злился – беспричинно, тяжело, надуту, как умеют злиться только полнокровные и с дурным пищеварением люди, когда доспят до прилива к голове» [9, с. 89]. Амфитеатров научно верно полагает основанием для психологической структуры личности её физиологические особенности. Это общеизвестное положение декларировалось во множестве работ медицинского характера. Сошлёмся в данном случае на переведенную на русский язык в начале XX века книгу профессора медицины Бернского университета Поля Дюбуа (1848–1918), который писал: «...граница между физиологией в собственном смысле слова и психологией не представляет из себя черты, у которой можно остановиться. Нет точной границы, но обе области набегают одна на другую. На каждом шагу, работая

над физиологическим вопросом, можно потерять дорогу и найти её можно, лишь вступив в область психологии» [14, с. 64]. Литератор, в отличие от врача, имеет дело с инвертивной ситуацией: работая над психологическим вопросом, он находит дорогу, вступив в область физиологии.

Амфитеатров и в этом рассказе скорее всего опирается на прецедентный текст. Но опять-таки сходство строится не на основе интертекстуальных переключек, данных в рассказе, а на основе ситуативного сходства, близости характеристик героев. Действующий персонаж «Разрыва» написан по лекалам гончаровского Обломова, но только в изменившейся обстановке конца века. Иван Карпович, как и Илья Ильич, доживает свой век холостяком, имея в «домоправительницах» и любовницах свою служанку Аннушку. Правда, Обломов не был женат, а Иван Карпович был. Новый Обломов считает, что его репутация «университетского человека» пострадала именно из-за Аннушки и решает во что бы то ни стало выгнать её: «Нет, баста! Надо отделаться от Анны: надоела!». Весь рассказ состоит из описания попыток героя избавиться от Аннушки. Иван Карпович передает состояние служанки, которая окаменела, услышав от барина требование покинуть квартиру: «Что за дурь на неё нашла? Аффект у неё что ли, как теперь принято выражаться? Вздор! – громко подумал Иван Карпович. – Какие у неё аффекты? Аффекты докторишками и адвокатишками выдуманы, чтобы перебивать разных мерзавцев с черного на белое...» [9, с. 97]. Герой упоминает медицинский диагностический термин, который играет роль ключевого слова для проблематики рассказа. Иван Карпович, однако, сам попадает под влияние аффекта и в конце концов убивает Аннушку утюгом. Этим и заканчивается рассказ.

Напомним уточняющее словосочетание в названии анализируемой книги – «Психопаты: правда и вымысел», уточняющее словосочетание настраивает читателя на то, что автор будет отделять зёрна от плевел. Однако на практике зачастую оказывается, что авторский вымысел и дилетантское знание медицины подменяют правду и научное представление о психопатии. Амфитеатров передает аффект, опираясь на массовые представления о нём: глаза героя залиты кровью, голова плохо соображает, эмоции не поддаются контролю разума. Автор книги избегает иронического повествования, тон всех его рассказов остаётся серьезным. То, над чем следовало лишь иронизировать и подтрунивать, получает у него серьезную интерпретацию. У героя рассказа «Разрыв» оказалась «Анна на шее», если прибегнуть к названию чеховского рассказа, но ничего более оригинального, чем убийство её утюгом под воздействием аффектации, автор не смог придумать. В сравнении с этой сюжетной коллизией рассказ Чехова воспринимается как подлинный шедевр.

Выводы

Творчество Амфитеатрова не было однородным, однако проанализированные рассказы сборника позволяют вписать её автора в контекст натурализма. С. И. Чупринин определял натурализм как «...исторически определенный художественный метод, окончательно сформировавшийся в конце XIX века и обладающий собственным эстетическим кодексом, собственными художественными ресурсами и собственным арсеналом средств и приемов» [15, с. 128]. Одна из безусловных примет натурализма – детерминированность структуры личности её биологическим началом. Амфитеатров не был ни биологом, ни антропологом, ни медиком. Поэтому соотношение его произведений с эстетическим кодексом натурализма подвижно: в одних случаях он стоит ближе к нему, в других – дальше. Думается, что, когда мы изучаем произведения классиков в отрыве от контекста массовой литературы, на фоне которого они выделяются своей новизной и мастерством, мы тем самым неадекватно их оцениваем. Книга Амфитеатрова «Психопаты: правда и вымысел» сохранила свою ценность именно как яркий образец беллетристики второго или даже третьего ряда, характеризующий социокультурную ситуацию переходного времени рубежа XIX–XX веков.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

Литература

1. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М., 1974–1983.
2. Иезуитова, Л. А. О «натуралистическом романе» в русской литературе конца XIX – начала XX в. (П. Д. Боборыкин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. В. Амфитеатров) / Л. А. Иезуитова // Проблемы поэтики русского романтизма XIX века. – Л., 1984. – С. 228–264.
3. Грякалова, Н. А. «Психопаты»: история

понятия и его литературные трансформации на рубеже XIX–XX веков / Н. А. Грякалова // Русская литература. – 2022. – № 3. – С. 41–49.

4. Нордау, М. Выврождение / М. Нордау. – СПб., 1894. – 544 с.

5. Гиндин, В. П. Психопатология в русской литературе / В. П. Гиндин. – М., 2012. – 223 с.

6. Macías, J. S. The other self: psychopathology and literature / J. S. Macías, R. V. Núñez // J Med Humanit. – 2011. – № 32 (4). – P. 257–267.

7. Jarius, S. Pavlov's Reflex before Pavlov: Early Accounts from the English, French and German Classic Literature / S. Jarius, B. Wildemann // Eur Neurol. – 2017. – № 77(5–6). – P. 322–326.

8. Сикорский, И. А. Психологические основы воспитания / И. А. Сикорский // Вопросы нервно-психической медицины. – 1905. – № 4. – С. 608–622.

9. Амфитеатров, А. Психопаты: правда и вымысел / А. Амфитеатров. – М., 1893. – 184 с.

10. Падучева, Е. В. Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М., 1996. – С. 335–353.

11. Ширванова, Э. Н. Образ Иуды Искарота в контексте канонического и апокрифического Евангелия в одноименной повести Леонида Андреева / Э. Н. Ширванова, Р. М. Гаджиева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 33. – Вып. 4. – С. 50–58.

12. Кибальник, С. А. Из истории детективной литературы в России: случай Чехова / С. А. Кибальник. – СПб., 2022. – 264 с.

13. Купина, Н. А. Массовая литература сегодня / Н. А. Купина, М. А. Литовская, Н. А. Николаева. – М., 2010. – 424 с.

14. Дюбуа, П. Психоневрозы и их психическое лечение / П. Дюбуа. – СПб., 1912. – 397 с.

15. Чупринин, С. И. «Фигуранты» – среда – реальность / С. И. Чупринин // Вопросы литературы. – 1979. – № 7. – С. 125–160.

Кубасов Александр Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения лиц с ОВЗ, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), e-mail: kugas2002@mail.ru. ORCID 0000-0001-9074-1133

Поступила в редакцию 7 октября 2023 г.

**PSYCHOPATIC PERSONALITY AND PECULIARITIES
OF ITS IMAGE IN A. V. AMFITEATROV'S BOOK «PSYCHOPATHS:
TRUTH AND FICTION»****A. V. Kubasov***Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation*

The article analyses the cultural and historical content of *Psychopaths: Truth and Fiction* written by A.V. Amfiteatrov. It considers the problem of the popularity of a psychopathic personality in Russian literature at the turn of the 19th–20th centuries. It also discusses its conditionality due to the explosive growth in the number of popular science works in this branch of medicine. The book contains a gallery of various psychopathic types starting with Judas and ending with contemporary personality patterns of the author. The article considers the dependence of the genre originality of the story on the character images. It singles out such varieties as an idyll, a detective story, a duel story and a portrait in the form of an internal monologue. Based on the analysis of the texts of the stories included in the book, the author comes to a conclusion about A. V. Amfiteatrov's inclination for Russian naturalism. One of the unconditional signs of naturalism is the determinism of the personality structure by its biological principle. The arsenal of means and techniques used by A. V. Amfiteatrov allows us to attribute the book to mass literature. Secondary literature designed for quick oblivion in the history of literature plays an important role in recreating the integral cultural and historical context of the era. This makes the significance of the book «Psychopaths: Truth and Fiction» which is a vivid example of mass literary production at the turn of the two centuries.

Keywords: Amfiteatrov A.V., psychopathic personality, popular literature, story genre.

References

1. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: [Complete Works and Letters]: v 30 t. M., 1974–1983.
2. Iezuitova L.A. О «naturalisticheskom romane» v russkoy literature kontsa XIX – nachala XX v. (P.D. Boborykin, D.N. Mamin-Sibiriyak, A.V. Amfiteatrov) [On the «Naturalistic Novel» in Russian Literature of the Late 19th - Early 20th Centuries (P.D. Boborykin, D.N. Mamin-Sibiriyak, A.V. Amfiteatrov)] // *Problemy poetiki russkogo romantizma XIX veka*. L., 1984. S. 228–264.
3. Gryakalova N.A. «Psikhopatyy»: istoriya ponyatiya i ego literaturnye transformatsii na rubezhe XIX–XX vekov [«Psychopaths»: the History of the Concept and its Literary Transformations at the Turn of the 19th–20th centuries] // *Russkaya literatura*. 2022. № 3. S. 41–49.
4. Nordau M. *Vyrozhdenie* [Degeneration]. SPb., 1894.
5. Gindin V.P. *Psikhopatologiya v russkoy literature* [Psychopathology in Russian Literature]. M., 2012.
6. Macías J.S, Núñez R.V. The Other Self: Psychopathology and Literature // *J Med Humanit*. 2011. № 32 (4). P257–267.
7. Jarius S., Wildemann B. Pavlov's Reflex before Pavlov: Early Accounts from the English, French and German Classic Literature. *Eur Neurol*. 2017. № 77(5–6). P. 322–326.
8. Sikorskiy I.A. *Psikhologicheskie osnovy vospitaniya* [Psychological Foundations of Education] // *Voprosy nervno-psikhicheskoy meditsiny*. 1905. № 4. S. 608–622.
9. Amfiteatrov Aleksandr. *Psikhopatyy: pravda i vymysel* [Psychopaths: Fact and Fiction]. M., 1893.
10. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya*. (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa) [Semantic Research. (Semantics of Time and Aspect in Russian. Semantics of Narrative)]. M., 1996. S. 335–353.
11. Shirvanova E.N. *Obraz Iudy Iskariota v kontekste kanonicheskogo i apokrificheskogo Evangeliya v odnoimennoy povesti Leonida Andreeva* [The Image of Judas Iscariot in the Context of the Canonical and Apocryphal Gospel in the Story of the Same Name by Leonid Andreev] // *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2018. Vol. 33. Vyp. 4. S. 50–58.
12. Kibal'nik S.A. *Iz istorii detektivnoy literatury v Rossii: sluchay Chekhova* [From the History of Detective Literature in Russia: Chekhov's Case]. SPb., 2022.
13. Kupina N.A. *Massovaya literatura segodnya* [Popular Literature Today]. M., 2010.
14. Dyubua Pol' *Psikhonevrozy i ikh psikhicheskoe lechenie* [Psychoneuroses and Their Mental Treatment]. SPb., 1912.
15. Chuprinin S.I. «Figuranty» – sreda – real'nost' [«Figures» – environment – reality] // *Voprosy literatury*. 1979. № 7. S. 125–160.

Alexander V. Kubasov – D. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Teaching Persons with Disabilities, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg), e-mail: kubas2002@mail.ru

Received October 7, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Кубасов, А. В. Психопатическая личность и особенности ее изображения в книге А. В. Амфитеатрова «Психопаты: правда и вымысел» / А. В. Кубасов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 82–89. DOI: 10.14529/ssh230409

FOR CITATION

Kubasov A. V. Psychopatic Personality and Peculiarities of its Image in A. V. Amfiteatrov's Book «Psychopaths: Truth and Fiction». *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 82–89. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230409
